

Кондратий Биркин

Кардинал Ришелье. Людовик XIII

*Часть сборника
Временщики и фаворитки*

Временщики и фаворитки

Кондратий Биркин

Кардинал Ришелье. Людовик XIII

«Public Domain»

1870

Биркин К.

Кардинал Ришелье. Людовик XIII / К. Биркин — «Public Domain», 1870 — (Временщики и фаворитки)

«В числе немногих спутников, сопровождавших королеву-изгнанницу в Блуа, находился и епископ Арман дю Плесси Ришелье. Эта приверженность опальной Марии Медичи была бы достойна похвалы и удивления потомства, если бы почтенным прелатом не руководили в этом случае осторожность и своекорыстие. Остаться в Париже, при дворе, где владычествовал де Люиень, было опасно и нерасчетливо. Поклоняться временщику, признавать его главенство над собою – этого Ришелье, по уму и по гордости, позволить себе не мог...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	9

Кондратий Петрович Биркин

Кардинал Ришелье. Людовик XIII

Марион де Лорм. – Госпожа де Шон. – Госпожа де Комбалле. – Анна Австрийская. – Герцог Бекингэм. – Маркиз Баррада. – Маргарита д'Отфор. – Генрих д'Эффиа. – Маркиз де Сен-Марс (1617–1643)

В числе немногих спутников, сопровождавших королеву-изгнанницу в Блуа, находился и епископ Арман дю Плесси Ришелье. Эта приверженность опальной Марии Медичи была бы достойна похвалы и удивления потомства, если бы почтенным прелатом не руководили в этом случае осторожность и своекорыстие. Оставаться в Париже, при дворе, где владычествовал де Люинь, было опасно и нерасчетливо. Поклоняться временщику, признавать его главенство над собою – этого Ришелье, по уму и по гордости, позволить себе не мог; как человек прозорливый, он предугадывал, что временщик – долго ли, коротко ли – должен пасть, а Людовик XIII – рано или поздно – примириться со своей матерью. Вследствие этих соображений Ришелье безошибочно расчел, что ему гораздо выгоднее держаться за опальную королеву, нежели за полудержавного любимца. Верный правилам приличия, прелат, однако же, вел с де Люинем весьма любезную переписку, поддерживая с ним самые приятельные отношения. Мария Медичи в простоте души и не подозревала, какую страшную змею отогревает у сердца в лице епископа Люсонского. Она верила его бескорыстной привязанности, надеялась на его обещания примирить с нею короля и возвратить ей утраченное место во главе государства.

Два года провела Мария Медичи в Блуа и в течение этого времени сблизилась со старым герцогом д'Эперноном, губернатором Сентонжа и Ангулема. Он приглашал королеву перебраться из Блуа в Ангулем и тем освободиться из заточения. В Ангулеме, полная хозяйка своих поступков, Мария Медичи могла жить независимо и войти в переговоры с сыном не как изгнанница, просящая о помиловании, но как самостоятельная владелица, готовая в случае надобности отстаивать свободу и права вооруженной рукой. Но, чтобы выбраться из Блуа, надобно было или подкупить почетные караулы, окружавшие замок, или бежать тайно. Королева отважилась на последнее и с помощью своего шталмейстера графа де Бриенна и двух преданных ему людей в полночь 12 февраля 1619 года бежала переодетая и, благодаря темноте, никем не узнанная, беспрепятственно прибыла в Ангулем. Встретивший ее там д'Эпернон объявил, что к ее услугам его шпага и все войска, ему подначальные. Письмом от 23 февраля Мария Медичи уведомила Людовика XIII о своем побеге, оправдывая его желанием перемены места и в то же время заверяя сына, что она нимало не намерена принимать какое бы ни было участие в делах правления. Парижский двор в это время вместе с королем тешился праздниками по случаю бракосочетаний: принцессы Христины Французской с принцем пьемонтским и побочной дочери Генриха IV мадемуазель де Вандом с герцогом д'Эльбеф. Весть о побеге Марии Медичи была если не громовой тучей, то облаком, омрачившим всеобщее веселье. Король, усматривая из письма, что желания матери весьма умерены, был еще довольно спокоен, но де Люинь, зная средства, которыми она тогда обладала, – де Люинь трусил за свое могущество. Мария Медичи ставила вопрос: если она не имеет намерения вмешиваться в дела государственные, за что же ее подвергать изгнанию? Выражая надежду на содействие короля испанского, королева вошла с сыном в письменные переговоры о примирении. Договор был редактирован кардиналом де Ларошфуко, герцогом Монбазоном и отцом Берюлем, духовником Марии Медичи; доставку этого договора королю возложили на Ришелье, тогда удаленного в Авиньон. Вызванный в Ангулем и пересмотрев статьи договора, он выговорил королеве-родительнице: сохранение всех прав; полную свободу проживать где угодно, хотя бы и при дворе; пользование всеми доходами с ее удельных имений. Сверх того, по этому договору король обязывался дать всепрощение лицам, содействовавшим бегству Марии Медичи из

Блуа, а герцога д'Эпернона наградить 300 000 ливров. Соглашаясь на все эти условия, король через герцогиню Монбазон пригласил родительницу прибыть в Тур для свидания, а оттуда вместе с королем возвратиться в Париж.

В Туре, кроме короля, был, разумеется, и де Люинь. Первый вопрос, сделанный ему Мариєю Медичи, было о несчастном маршале д'Анкре.

– Никто не приказывал его убивать, – отвечал де Люинь. – Он сам виноват тем, что хотел защищаться против посланных его арестовать, – и только арестовать!

Увидя маршала де Витри (убийцу д'Анкра), королева с ядовитой улыбкой сказала:

– Вы, маршал, были всегда вернейшим и послушнейшим слугою короля!

– Да, государыня, – отвечал убийца, – и эта покорность заставила меня...

Ришелье, видя, что разговор принимает не совсем дружелюбный оттенок, поспешил прервать его, чему много помогло и появление короля. Встреча и примирение матери с сыном были трогательны; последнее, по-видимому, было искренно, хотя прозорливый Ришелье не надеялся на его прочность. Дело в том, что это примирение порождало при дворе две партии, главами которых являлись королева-родительница и де Люинь. Через месяц после свидания в Туре Мария Медичи удалилась в Анжер, куда следом за нею явились все противники де Люиня, в это время метившего попасть в конетабли. Супруга его занимала при молодой королеве Анне Австрийской должность первой статс-дамы... Партия временщика была сильна; могла бы быть могущественной, если бы сам де Люинь был человеком с головой и твердой волей; к сожалению, он своими способностями далеко отставал от покойного маршала д'Анкра. Волнения кальвинистов в Южной Франции послужили к слиянию в государственном совете обеих партий – и де Люиня, и Марии Медичи. 2 апреля 1621 года Альберт де Люинь был возведен в достоинство конетабля и на первый же случай должен был начать новое поприще на ратном поле, приняв участие в войнах с кальвинистами...

Умалчиваем об этих бесконечных усобицах, о неудачах де Люиня, подвигах Людовика XIII, об осаде Монтобана (послужившей в недавнее время сюжетом для лубочного романа какому-то модному французскому романисту)... Самым важным событием этой эпохи была смерть де Люиня, открывшая путь к престолу королевскому гениальному Ришелье. Королева-родительница, не оставлявшая его своим покровительством, содействовала по мере сил возвышению этого человека, благодаря собственному уму и дарованиям не имевшего даже и нужды ни в покровителях, ни в покровительницах. Будучи простым членом государственного совета в 1624 году, он сообщил королю о своем исполинском плане возведения Франции на высоту державы первостепенной. Для этого королевству было необходимо, во-первых, избавиться от олигархии, во-вторых, уgomонить неугомонных кальвинистов, в-третьих, унижить и ослабить свою соперницу, Австрию. Такова была программа государственного строя Ришелье, и до последней минуты этот король Франции (под псевдонимом Людовика XIII) оставался ей верен.

Читателям, без сомнения, известен анекдот о Петре Великом и о монументе Ришелье? В бытность свою в Париже наш преобразователь посетил гробницу кардинала и, обращаясь к его статуе, сказал восторженно:

– Великий человек, живи ты в мое время, и я отдал бы тебе половину моего царства, чтобы ты научил меня управлять другою половиною!..

– Напрасно! – заметил кто-то из присутствующих. – Он бы и другую половину прибрал к своим рукам.

Таков действительно был Ришелье – временщик-король, двадцать лет державший Францию в своих железных руках, но и вознесший ее этими самыми руками на высокую степень могущества. Людовику XIV легко было разыгрывать роль Юпитера благодаря титанским трудам кардинала Ришелье, воздвигшего целый Олимп для подножия королевской власти и, подобно Вулкану, выковавшего громы и молнии, которыми Франция в течение целого века

грозила Европе. Кардинал Ришелье совместил в своей личности и Людовика XI и национальный Конвент 1793 года: первый – благодаря монфоконским виселицам, второй – благодаря гильотине искоренили олигархию; то же сделал и Ришелье с содействием эшафота на Гревской площади. В царствование кардинала приутихли потомки Гизов, протягивавших руки к скипетру Генриха III, Конде – ступавших на ступени трона Генриха IV, принцы Орлеанские, умышлявшие сорвать корону с головы Людовика XIII... Этой короны Ришелье себе на голову не надевал, но он придерживал на короле точно так же, как и порфиру на его слабых плечах. Удачная борьба с Англией, участие Франции в Тридцатилетней войне – все это подвиги, и подвиги исполинские, дающие кардиналу Ришелье полнейшее право на имя великого человека...

Однако предмет нашего труда – не величие великих людей, а те фазисы их жизни, когда она нисходила на степень людей обыкновенных. Подобно курице в басне Крылова, подшучивающей над орлом, сидящим на овине, мы в нашем посильном труде рассматриваем слабости сильных мира сего. Так рассматривали мы жизнь Генриха IV и с этой же точки зрения взглянем на кардинала Ришелье. Одно не помешает другому: Ришелье – лев, терзающий своих врагов и упивающийся их кровью, и Ришелье, как влюбленный кот,¹ отчаянно мяукающий нежности Анне Австрийской или принимающий у себя Марион де Лорм, – так же мало имеют общего один с другим, как кот со львом; порода-то, пожалуй, и одна, да звери-то разные!

Посмотрим сначала на льва.

В 1624 году благодаря стараниям Марии Медичи буквально из ее рук Ришелье получил кардинальскую шапку. «Государыня, – сказал он ей при этом, – пурпуровая моя мантия будет мне постоянно напоминать о моем обещании не щадить за вас и последней капли моей крови!»

Просим читателя запомнить эту фразу, в полном смысле слова красноречивую.

Вместе с кардинальской шапкой Ришелье получил должность государственного секретаря с правом голоса совещательного, т. е. с обязательством подавать советы королю только в случае запроса с его стороны. Первым указом, подписанным Людовиком XIII по совету Ришелье, воспрещались поединки под опасением смертной казни; затем следовал второй – о соблюдении простоты в одежде и преследовании роскоши... Обоими указами Ришелье наносил первый удар дворянству, а вторым указом – и кальвинистам, постоянно укорявшим двор и вельмож за их безумную роскошь. Отнять у кальвинистов хотя и один из поводов к жалобам значило их хоть сколько-нибудь обезоружить. Обиженные дворяне мстили кардиналу пасквилями, прозвищем Красного чулка, кальвинисты волновались по-прежнему и бунтовали, рассчитывая на содействие Англии. Олигархам Ришелье до времени отвечал презрительным молчанием, а у кальвинистов (с 1628 по 1631 год) отнял Ла-Рошель, Катр, Мильго, Прива, Але, Андюз и все укрепления этих городов обратил в развалины! Мария Медичи, несмотря на обещание, данное королю не вмешиваться в дела как внутренние, так и внешней политики, не могла, однако же, не затеять обширной политической интриги. Имея в виду болезненное состояние Людовика XIII и отсутствие прямых наследников престола, королева-правительница решила передать права наследства (в случае смерти короля) младшему сыну Гастону, герцогу Орлеанскому, с тем чтобы он женился на вдове короля Анне Австрийской. Испанский двор вполне одобрил этот проект, и между Марией Медичи, королем испанским и супругой Людовика XIII возникла по этому предмету переписка и самые приятные отношения... Словом сказать, составилась заговор, вскоре принявший угрожающие размеры. Главными его соучастниками были старый маршал Орнано, молодой и знатный Шалэ (Chalais) из дома Перигоров и два побочных сына Генриха IV – Вандомы. Своей приверженностью к Гастону Орлеанскому заговорщики маскировали свою ненависть к Ришелье и желали не столько возведения Гастона

¹ Здесь заметим кстати, что кардинал Ришелье имел какую-то особенную симпатию к кошкам. Наше народное поверье говорит, будто кошек любят вообще лукавые люди. Разумеется, нет правила без исключения.

на престол, сколько низложения кардинала. Усердные шпионы последнего следили за ходом заговора шаг за шагом, донося своему патрону о каждом слове, чуть не о каждой мысли его врагов. Нетрудно было Ришелье убедить короля к принятию решительных мер для предупреждения мятежа, и 4 мая 1626 года маршал Орнано по подозрению в сношениях с испанским двором был арестован и заточен в Венсенский замок; очередь стояла за Шалэ и побочными братьями короля, но они еще до времени пользовались свободой. Подстрекаемый своей любовницей герцогиней де Шеврез, Шалэ замыслил сообща со своими товарищами арестовать кардинала и держать его в заточении до тех пор, покуда король, убежденный доводами врагов своего министра, не подпишет приговора о его изгнании. Так порешили на тайном совещании Шалэ, приор Вандомский, граф Море, Пюилоран, Рошфор и другие, к которым присоединился Балансе, тайно преданный кардиналу. В ответе на преждевременную радость Шалэ о несомненном успехе отважного предприятия Балансе спросил его:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.